

УДК 811.161.1

КСЕНОФОБИЯ И КСЕНОФОБНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Волков Валерий Вячеславович

д-р филол. наук
Тверской государственной университет, Тверь

author@apriori-journal.ru

Аннотация. Ксенофобия – серьезный нравственный недуг, который представляет общественную опасность. В современном русском языке расширяется круг ксенофобных именовании лиц как особого объекта юридической лингвистики и судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: ксенофобия; ксенофобные именовании лиц; юридическая лингвистика; судебная лингвистическая экспертиза.

XENOPHOBIA AND XENOPHOBIC NAMES OF PERSONS IN JURIDICAL LINGUISTICS

Volkov Valery Vyacheslavovich

doctor of philology
Tver State University, Tver

Abstract. Xenophobia is a serious moral ailment that carries a public jeopardy. In modern Russian language the group of xenophobic names of persons broadens that makes them the special object of juridical linguistics and judicial linguistic examination.

Key words: xenophobia; xenophobic names of persons; juridical linguistics; judicial linguistic examination.

Объект размышления в данной статье – ксенонимические именованья лиц, предмет – лингвоюридически значимые нарицательные антропонимические ксенонимы, а именно: такие, которые содержат в своей семантической структуре реальные (языковые) и/или потенциальные (контекстуально-речевые) семы ксенофобного характера, которые могут фиксироваться словарными пометами типа «уничижительное», «пренебрежительное», отражающими ксенофобную коннотативную окраску, как в характерных синонимических парах типа не *кавказец*, а *чурка*, не *еврей*, а *жид*.

Под термином *ксенонимы* в практике лингвистических исследований академического типа, как правило, понимаются языковые единицы, обозначающие специфические элементы внешних культур (инонациональные реалии), как, например, *доцент*, *кандидат наук*, *меньшевик* в англоязычной периодике [1, с. 736] или *канцлер*, *государственный секретарь* в российской публицистике. С этой точки зрения, ксенонимична вся неосвоенная заимствованная лексика.

Для прикладной практики лингвоюридического исследования именованья лиц основополагающим является иное представление об антропонимической ксенонимии, суть которого в том, что любое именованье лица (как исконно или собственно русское, так и заимствованное) в определенном контексте может оказываться носителем ксенофобных коннотативных смыслов, потенциально способных модулировать сначала аморальные, а затем, как их следствие, и противоправные [2] экстремистские проявления; в соответствии с формулировками Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» – от изготовления и распространения экстремистских материалов до создания экстремистских организаций [3].

В силу прозрачности синхронной внутренней формы семантические этимоны существительного *ксенофобия* представляются на первый взгляд совершенно очевидными: по непосредственному восприятию но-

сителей русского языка, *ксенофобия* складывается из др.-гр. *xenos* – прилагательного (в значении ‘чужой; чужеземный; необыкновенный, неслыханный, странный’ [4, с. 857-858; 5, с. 1146]) или омонимичного существительного (‘чужеземец (в отличие от гражданина)’ [4, с. 857]) + ...*фобия* (из гр. *phobos* ‘страх, ужас, боязнь’ [5, с. 1739]) в значении «боязнь (враждебность, нетерпимость, непереносимость и т.п.) того, что названо в первой части слова». Таким образом, суммарное значение сущ. *ксенофобия*, явствующее из его синхронной внутренней формы, – «боязнь чужого, странного (человека)», «страх перед чужеземным». Однако этимология этого существительного не столь проста и в своей неоднозначности весьма поучительна, равно как и современная динамика его семантической эволюции.

Во-первых, сущ. *ксенофобия* – западноевропейское, а не древнегреческое образование, причем из французского первоисточника вошла в русское языковое сознание и в русский речевой обиход *ксенофобия* (из фр. *xénophobie* ‘ненависть к иностранцам’ [6, с. 1170]), в то время как антонимичное сущ. «ксенофилия» (фр. *xénophilie* ‘любовь, симпатия к иностранцам’ [6, с. 1170]) в русском словоупотреблении не представлено, – наличествуют лишь семантически смежные видовые именованья *англоман* и *англомания*, *галломан* и *галломания*, *англофил* и *германофил* и под. (в том числе фиксирующие ксенофилию весьма завуалированно, как в сущ. *петиметр* или *гламур* [7]), причем эти именованья фиксируют вовсе не «любовь к немцам, французам и т.п.», а «пристрастие к английскому / французскому / немецкому... образу жизни / обычаям и т.п.». Мена очередного «пристрастия» может рассматриваться как сигнал «фазового перехода» в пространстве лингвокультурного сознания [8].

Во-вторых, в семантике др.-гр. сущ. *xenos* энантиосемически соединяются конверсивные значения ‘гость’ и ‘гостеприимец (хозяин)’, лингвокультурный фон с общим значением «доброжелательное единящее гос-

теприимство», связанное с расширением «пространства Родины» [9] за счет приятия «чужого» – как своего, ср., напр., пояснение А.Д. Вейсмана к семантике этого существительного: «По древнему обычаю граждане, принадлежавшие к разным государствам или странам, заключали между собою союз, по которому взаимно обязывались оказывать друг другу гостеприимство. Этот союз домашний переходил и к детям их. Заключившие подобный союз назывались *xenoi*. Оттого *xenos* означает и того, который пользуется гостеприимством, и того, который оказывает гостеприимство» [4, с. 857].

Русское сущ. *ксенофобия* усвоило из др.-гр. *xenos* лишь первый из энантиосемичных компонентов, причем в условиях негативного в коннотативном отношении семантического сужения (не просто «гость», а именно «чужой», а значит, враждебно настроенный, опасный), и последовательно расширяет его до пределов, стремящихся к «дурной бесконечности»: ныне *ксенофобия* – это не только «страх перед другим человеком, иностранцем», но и «навязчивый страх перед чужим, чем-то *незнакомым вообще* (незнакомой культурой, другой религией, новыми идеями и т.п.)», и даже страх перед «другим» (*человеком*) – соплеменником по родному языку и гражданству, но отличающимся в социальном, культурном, психологическом, сексуальном [10] и т.п. отношении. Современные словарные толкования *ксенофобии*, с одной стороны, фиксируют *ксенофобию* уже как психическую девиацию или даже как болезнь, а с другой, отражают расширение сигнификативной и денотативно-референциальной семантики сущ. *ксенофобия*, тяготеющей к пределу «чужое, а значит чуждое и потенциальное опасное – всё, что не своё», ср.: «1. Болезненный, навязчивый страх перед незнакомыми лицами. 2. Ненависть, нетерпимость к чему-н. чуждому, незнакомому, иностранному» [11, с. 386]); «1. Мед. Болезненное состояние, проявляющееся в навязчивом страхе перед незнакомыми людьми; боязнь высоты.

2. Ненависть, неприятие, нетерпение к кому-, чему-л. незнакомому, чужому» [12, с. 477].

Показательно, что оба цитированных филологических толкования второго значения *ксенофобии* перекликаются в идентификаторах «ненависть», «нетерпимость / нетерпение» с названием статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), дальнейший текст которой четко фиксирует основные аспекты ксенофобии, ср.: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам *пола, расы, национальности, языка, происхождения*, отношения к *религии*, а равно принадлежности к какой-либо *социальной группе...*» (курсив мой. – В.В.). Как видим, помимо *расизма* и *национализма*, как наиболее очевидных проявлений ксенофобии, речь в цитированной статье УК идет также о *гендерной, языковой* (лингвистической), *религиозной* и *социальной* ксенофобии.

Как известно, содержание и объем понятия находятся в обратно пропорциональной зависимости: чем шире содержание, тем уже объем, и наоборот. К примеру, *религиозная ксенофобия*, как видовое понятие, шире по содержанию, но уже по объему, чем «просто» ксенофобия. По мере видового расширения содержания понятия «ксенофобия» расширяется и его объем, включая новые и новые группы объектов.

Совсем недавно к числу ксенофобных оскорбительных именовании в юридической лингвистике было принято относить только «брань, оскорбляющую чужую нацию», ср: «В русскоязычной практике это прежде всего “жид”, “чурка”, “черный”, “армяшка” и другие. В наше время обострившихся межнациональных конфликтов именно эта группа оскорблений заслуживает самого пристального внимания юристов как разжигающая межнациональную рознь» [13, с. 297]. Такие ксенофобные именовании имеют давнюю историю, связанную, в частности, с воров-

ским и тюремных жаргоном – «феней», где, например, *чурка* – не только «азиат, кавказец», но и «умственно отсталый человек», а «смуглый, чернявый человек (напр., азиат, кавказец)» именуется как *черножопый*, *черножопик* [14, с. 279, 283]; некогда нейтральное *жид*, свободно использовавшееся, в частности, в русской классической литературе в целях именованя лиц еврейской национальности и/или иудейского вероисповедания, на протяжении последнего столетия обретает все более яркую негативную окраску, и т.п.

Значительно сложнее для юридической лингвистики обстоит дело в ситуациях, когда необходимо рассматривать такие ксенофобные призывы – граффити экстремистской направленности, семантически индуцированные «образом врага», которые не включают прямых ксенофобных именованя по национальности, типа «*Кто не с нами – всем сосать!*», «*Косые ублюдки вон!*», «*Нет сионистскому правительству*». Авторами таких граффити-лозунгов, несмотря на то что они, вероятнее всего, достаточно молодые люди, наверняка движет инерция «застойных» времен: по удачной политологической характеристике этой инерции, «здесь и героизация тотальной и ежеминутной борьбы с “классовым врагом”, и повальная охота за “врагами народа”, и абсолютизация различий и противоречий между общественными системами, и сомнительно звучащие прогнозы типа “мы вас закопаем”, и одержимость секретностью и ксенофобией, и беспробудная “монолитность”...» [15, с. 29].

Основная трудность лингвоюридического анализа высказываний такого рода – диффузность, неопределенность объекта агрессивной социальной ненависти (нетерпимости), как, например, в случае с призывом «Убивай цветных иммигрантов». В качестве граффити данное высказывание оказывается адресованным самому широкому кругу реципиентов, в силу чего может вызывать самые различные реакции, а именно: понятийные – «убивать» следует всех «цветных», всех «иммигрантов», только «цветных иммигрантов»; эмоциональные – от безусловной поддержки

лозунга до полного несогласия и негодования. При этом понятие «иммигрант» оказывается соотнесенным с «нерусский», что в условиях современной России – многонациональной страны, существующей как составная часть на пространстве бывшего СССР, приводит к размытому, очень общему представлению о «чужом вообще»: в качестве такого «чужого» может восприниматься и этнический русский «иммигрант» (беженец, переселенец) из ныне самостоятельной страны Узбекистана, и россиянин – этнический якут или калмык, осевший на жительство в Москве или Твери, и т.д.

Так вроде бы нейтральное сущ. *иммигрант* оказывается в контексте «чувства тревоги в связи с участившимися в последнее время актами нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, маргинализации и дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах...» [16]. Источники тревоги – в склонности естественных для демократического общества различий во мнениях трансформироваться сначала в ксенофобно-нигилистическое неприятие чужого мнения, а затем в логике метонимического переноса – в агрессивное неприятие носителей этого мнения: от отдельных людей до огромных социальных, национальных, конфессиональных общностей. Остается один шаг до ненависти и вражды – до перерастания «спора о мнениях» в терроризм и открытые вооруженные столкновения.

Современные ксенофобы в своих печатных материалах называют множество самых разнообразных «чужих» – врагов, как нередко пишут, «Русского Народа». И это не только «жиды» или «чурки». Это «...евреи, армяне, грузины, цыгане, таджики, китайцы, прочие все», «инородцы». Это «президент России», «прихожане и “священство”», «русскоязычные», «бандиты и паразиты с Кавказа, из Азии и Африки», «еврейские

олигархи и орды кавказских спекулянтов-захребетников», «гастарбайтеры», «коммунисты и либералы» и т.д. – вплоть до «доморощенных шлюх, вступающих в половые связи с оккупантами», «правозащитников», «риэлтеров», «чиновников и милиционеров».

Даже если эти списки в печатных экстремистских материалах и не сопровождаются прямыми призывами типа «Раздавить гадов!», следует помнить: «Скрытым призывом является информация, подстрекающая к каким-либо действиям, целенаправленно формирующая у адресата желание действовать или чувство необходимости действий. Скрытый призыв нередко дает развернутую программу действий, к которым осуществляется подстрекательство, т.е. автор (в скрытой или явной форме) программирует поведение адресата речи» [17]. Любое именование лица в ксенофобном контексте – это именование будущей потенциальной жертвы экстремистов.

Список использованных источников

1. Таганова Т.А. Ксенонимы-русизмы в англоязычной периодике и лексикографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 736-738.
2. Волков В.В., Воднева А.А. Правовое и этическое сознание как бинарный объект лингвокультурологии // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки» [Электронный ресурс]. 2013. № 2. URL: <http://www.apriori-journal.ru/seria1/2-2013/Volkov-Vodneva.pdf> (дата обращения: 02.10.2014).
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. Гарант: Информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 02.10.2014).

4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / Репринт V-го изд. 1899 г. М., 1991. 1370 стлб.
5. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2-х т. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. С. 1041–1904.
6. Гак В., Триомф Ж. Французско-русский словарь активного типа. М.: Рус. яз, 1998. 1174 с.
7. Волков В.В., Кузнецова Л.М. От петиметров до гламура: социокультурные причины и лингвокультурные проявления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. Тверь, 2014. С. 123-128.
8. Волков В.В. Лингвокультурные сигналы «фазовых переходов» в системе обыденных представлений о политических феноменах // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 3 (19). С. 48-64.
9. Волкова Н.В. Пространства Родины в лирике В. С. Высоцкого // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2008. № 15. С. 114-118.
10. Волков В.В. Гомосексуализм в современной России: лингвокультурологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 6. С. 168-173.
11. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.
12. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.
13. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословии // Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. С. 289-298.

14. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992. 526 с.
15. Мельвиль А. Образ другого, образ врага // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро, Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 25-29.
16. Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 02.10.2014).
17. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. 2006. № 4. URL: http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html (дата обращения: 02.10.2014).